

Однако из всех стилей наибольшей частотностью употребления модальных лексем выделяется официально-деловой, так как он включает в себе долженствующе-предписующий характер изложения.

Модальность необходимости является комплексной категорией, характеризующейся различными способами выражения: лексическими, морфологическими, синтаксическими, фонетическими и стилистическими. В предложениях данные средства могут функционировать одновременно и в различных комбинациях участвовать в создании эмоционального фона предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М., 1986. 640 с.
2. Казак грамматикасы. Фонетика, созжасам, морфология, синтаксис. Астана, 2002. 784 б.
3. Куребаева Г. А. Способы выражения модальности долженствования в русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 2010. 28 с.
4. Ляпон М. В. К вопросу о языковой специфике модальности. Т. XXX. Вып. 3. М.: АН СССР, 1971. С. 230-239.
5. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.

Н. Н. КОШКАРОВА

КОНФЛИКТНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена анализу конфликтного диалога на материале политического интервью межкультурного уровня. При этом исследуемый феномен рассматривается на трех уровнях: диспозиционный, рефлексивный, поведенческий. Конфликтный диалог манифестируется также в особом наборе языковых средств, которые используются при изложении мыслей и реализуются на различных уровнях языка.*

SUMMARY: *The paper is devoted to the analysis of conflict dialogue functioning in the framework of intercultural political interview. The phenomenon under study is analyzed on three levels: dispositional, reflexive and behavioural. The conflict dialogue manifests itself in a special repertoire of language means which are used to convey the idea and are realized on different levels.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *конфликтный диалог, политическое интервью межкультурного уровня, коммуникативный конфликт, эмоциональное воздействие, средства массовой информации.*

KEY WORDS: *conflict dialogue, political interview of intercultural level, communicative conflict, emotional influence, mass media.*

Целью настоящей работы является рассмотрение языковых средств репрезентации конфликтного диалога в политическом интервью межкультурного уровня, под которым понимается беседа представителей зарубежных

средств массовой информации с членами российского эшелона власти, а также зафиксированный результат такой беседы. Конфликтный диалог представляет собой языковое и речевое воплощение агрессивного и негативного состояния человека, его отношения к внешнему миру, происходящим в нем событиям, взаимоотношениям в социальной среде. И. В. Грошев [Грошев, 2005] отмечает, что конфликтное поведение определяется как биологическими, так и социальными факторами, взаимодействие которых и обуславливает тот или иной его тип. Исследователи, рассматривая данный вид деструктивного поведения, выделяют разные его составляющие. В результате анализа структурных элементов конфликтного поведения этот процесс можно представить как сочетание рационального, эмоционального и волевого элементов. По нашему мнению, рациональный компонент в структуре конфликта на уровне политического интервью межкультурного характера включает в себя факты, сведения интервьюера и интервьюируемого о противоположной стороне, государстве, ею представляемом; знания, убеждения, этические императивы, мировоззренческие ценности собеседников. Эмоциональный компонент конфликтного поведения в политическом интервью межкультурного уровня формируется посредством совокупности антипатий или симпатий его участников, «ощущений, настроений и чувств субъектов, выраженных в переживании ими смысла этих фактов, событий, ситуаций, процессов и в формировании оценочно-ценностного отношения к ним» [Вдовина, 2008:30]. Волевой компонент — это усилия сторон, вовлечённых в политическое интервью межкультурного уровня, направленные на преодоление разногласий и трудностей, возникающих в ходе беседы; способность личности к толерантному взаимодействию в случае возникновения конфликтного начала в процессе интеракции, стремления интервьюера и интервьюируемого контролировать ситуацию в ходе беседы и управлять собой, своим поведением и психическим состоянием.

Таким образом, мы полагаем, что конфликтный диалог может быть рассмотрен на трёх различных, но взаимосвязанных между собой уровнях: диспозиционный, рефлексивный, поведенческий. Данное утверждение основано на принятом в качестве одного из приоритетных направлений настоящего исследования междисциплинарном подходе к объяснению сути явлений. Поскольку конфликтный диалог — это сочетание экстралингвистических, психологических и языковых проявлений индивида и его окружения, то первый уровень анализа данного явления опирается на научные достижения психологии и социологии, в рамках которых была предложена диспозиционная концепция личности. В. А. Ядов [Ядов, 1975] под диспозицией понимает predisposedness человека к восприятию социальной ситуации и условий деятельности и к определённому поведению в этих условиях. При этом социолог выделяет четыре уровня диспозиций: 1. Низшие диспозиции, основанные на базе витальных потребностей — потребностей в еде, жилище и пр. 2. Социальные фиксированные установки, проявляющиеся в разных конкретных ситуациях. 3. Базовые (обобщённые) социальные установки, реализующиеся в типичных ситуациях взаимодействия индивидов. 4. Система ценност-

ных ориентаций, связанных с высшими целями индивида. По нашему мнению, в конфликтном диалоге субъекты руководствуются социально фиксированными установками и ценностными ориентациями, релевантными для них как личностей и как представителей той или иной социальной общности. Такие диспозиции регулируют поведение человека в ситуации конфликтного диалога, объясняют мотива выбора того или иного действия (в том числе и речевого), дают возможность осознать предрасположенность к тем или иным поступкам. Диспозиционная концепция личности созвучна межкультурного вектору исследования конфликта в рамках настоящего исследования, так как в том и другом случае личность рассматривается как единица широких социальных связей и отношений, включённая в национальный и культурный контекст того или иного общества.

Второй уровень анализа конфликтного диалога выводит нас непосредственно на уровень интеракции, когда размышления субъектов о собственных действиях и поступках в ходе политического интервью межкультурного уровня реализуются в таком феномене, как рефлексивная коммуникация [Комалова, 2009]. Не вызывает сомнения тот факт, что любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, что особенно ярко проявляется в случае общения представителей двух разных культур, когда собеседники выступают не просто как индивиды со своими ценностными установками и взглядами на обсуждаемые проблемы, а как выразители мнения и взглядов того или иного национально-культурного сообщества, часто вызывающего отрицательную реакцию и критику противоположной стороны. В таком случае коммуникантам важно сохранить дружеский тон беседы и удержаться от использования деструктивных стратегий и тактик, чему с успехом может способствовать рефлексивная коммуникация, под которой Л. Р. Комалова [Комалова, 2009] понимает умение собеседников «взглянуть на ситуацию с целью разрешить непреодолимое затруднение совместными усилиями, рационально «оформить» конфликтные проявления, выработать норму и договоренности взаимодействия в конфликте, а также спроектировать коммуникативные действия в ... конфликтных ситуациях».

Третий уровень исследования конфликтного диалога связан непосредственно с той системой организации речи, которая характерна для выбранного нами материала для исследования, — политического дискурса. В политической идеологии [Василик, 2006; Козырев, 2007; Шестопал, 2012] принято выделять три уровня: теоретико-концептуальный, программно-директивный и поведенческий. На первом — теоретико-концептуальном уровне — формируются основные положения политической теории, обосновываются определённые ценности и идеалы, которые представляют базис той или иной идеологии. На втором — программно-директивном уровне — теории, идеи и принципы преобразовываются в политические программы и лозунги. В контексте нашего исследования нас интересует третий уровень политической идеологии, который носит разные названия — поведенческий, мотивационно-практический, актуализированный. Как утверждает М. А. Василик [Василик, 2006], именно на этом уровне развёртывается идеологическое пространство

(дискурс) с такими его элементами, как идеологические политические культуры, идеологические требования, идеологическая цензура, идеологическая борьба, сопровождаемая разного рода побочными явлениями, под которыми в политическом интервью межкультурного уровня семиотическое пространство деструктивных форм интеракции. При семиотической кодировке сообщения адресант воздействует не только на когнитивный, но и эмоциональный уровень адресата, а в случае несовпадения уже имеющихся у получателя информации представлений об обсуждаемой в ходе интервью проблеме возникает конфликтный диалог. Таким образом, с нашей точки зрения, в основе всех фактов проявления конфликтного диалога лежит эмоционально-когнитивный диссонанс всех партнёров по межличностному взаимодействию.

Но конфликтное поведение человека — это не только определённые действия и поступки индивида. Данный вид деструктивного поведения манифестируется также в особом наборе языковых средств, которые используются при изложении мыслей и реализуются на различных уровнях языка (лексическом, грамматическом, текстовом). Примером сферы употребления конфликтного диалога являются любые типы интервью, где наиболее ярко проявляется эмоциональное воздействие на слушателя и адресата.

Лексика текстов подобного типа может быть и нейтральной. В данном случае акцент будет делаться на грамматическом и стилистическом оформлении предложения. Так, в интервью В.В. Путина на его посту Председателя Правительства России в марте 2012 с главными редакторами ведущих иностранных изданий после нескольких настойчивых вопросов журналистов о ситуации с коррупцией в России интервьюируемый вынужден был употребить сравнительную конструкцию с союзом *как будто*: «*Вы мне так говорите про коррупцию, как будто у вас коррупции нет, в том числе и в правительственных органах. И у вас это есть...*». Как видно, эмоциональная нагрузка в данном предложении лежит на союзе *как будто*, дискурсивное значение которого заключается в сравнении говорящим ситуации в его родной стране и на родине собеседника, ни одна из которых не является эталоном и образцом для подражания. Такое употребление модально-оценочной конструкции делает высказывание уязвимым с точки зрения конфликтности (кооперации).

В политическом интервью межкультурного уровня широко используется ирония как текстовая категория при её реализации лексическими средствами. В конфликтном диалоге, как и в деструктивном типе общения в целом, чётко прослеживается связь иронии с экстралингвистическими факторами, так как конфликтный дискурс как наиболее эмоционально насыщенный тип речевого взаимодействия обращён к социальным, культурным, психологическим правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. На наш взгляд, ирония как деструктивная разновидность юмора функционирует в рамках анализируемого в настоящем исследовании конфликтного дискурса, однако, в лингвистике был предложен такой термин, как иронический дискурс [Балашов, 2006], под которым автор понимает девиантный вариант нейтрального дискурса (по аналогии с понятием «юмористический дискурс», введенным В. И. Карасиком [Карасик, 2002: 304]).

Анализ языкового материала показывает, что ирония является тактикой, широко применяемой в последнее время российскими политиками в интервью с представителями зарубежных СМИ. В некоторых случаях использование подобной тактики является реакцией на провоцирование со стороны журналиста, который в своём стремлении оказать соответствующее эмоциональное воздействие на целевую аудиторию интервью выводит разговор с интервьюируемым в конфликтную плоскость. Так, например, ведущий американского телеканала «Си-Эн-Эн» Лари Кинг в своем интервью с В. В. Путиным задает Председателю Российского правительства такой вопрос: *«Что касается заявления министра обороны США Роберта Гейтса о том, что российская демократия исчезла, и что Правительство управляется службами безопасности. Каков Ваш ответ американскому министру обороны на такое его заявление?»*. В. В. Путин не стал отвечать на подобный вопрос с использованием конфликтных стратегий и тактик (защиты, провоцирования и т.п.), а попытался перевести разговор в кооперативную плоскость с использованием такого приёма, как ирония: *«Я знаком с господином Гейтсом, встречался с ним несколько раз. Мне кажется, что это очень приятный человек и неплохой специалист. Но, как известно, господин Гейтс был одним из руководителей Центрального разведуправления Соединенных Штатов Америки, а сегодня он является министром обороны. Если это самый лучший в США эксперт по демократии, то я вас поздравляю»*. В данном случае ирония основана на взаимодействии словарного и контекстуального значения слова *поздравляю*, которое своим первым значением имеет ‘приветствовать по случаю чего-либо приятного, радостного’, а в данном контексте имеет значение ‘отсутствие поздравлений по случаю подобного стечения обстоятельств’.

Мы рассмотрели случаи выражения эмоционально-когнитивного диссонанса в конфликтном диалоге при помощи нейтральной лексики. Однако было бы логично предположить, что лексические проявления речевой агрессии будут связаны с употреблением грубых и жаргонных слов, неосознанном предпочтении особой лексики. Так, интервью Президента России В. В. Путина на телеканалу Russia Today (6 сентября 2012 г.) на вопрос журналиста о положении дел в Сирии и прогнозе собеседника относительно дальнейшего развития ситуации в регионе интервьюируемый напомнил интервьюеру о международной конференции по Сирии, которая состоялась в швейцарском городе 1 июля этого же года: *«Мы в Женеве предложили собраться нашим партнерам по переговорному процессу. Все действительно собрались и выработали там дорожную карту того, что и как надо было бы делать для того, чтобы в Сирии наступило спокойствие и ситуация вышла бы на конструктивный путь развития. Практически все с нами согласилось, мы ознакомили с этими результатами и сирийское правительство, но потом повстанцы, по сути, не захотели признавать этих решений, и многие наши партнеры по переговорному процессу также по-тихому съехали с этой позиции»*. В данном случае словосочетание *съехать с позиции* является аллюзией на жаргонное выражение *съехать с базара*, что означает *уйти от разговора*. Семантико-прагматический потенциал использования некодифицированного элемента в

данном случае (хотя и в изменённом виде) заключается в эмоциональном воздействии на адресата и целевую аудиторию, стремлении превратить массово-информационный дискурс в форум для всего населения. На последнее обстоятельство указывает В. И. Карасик (2010), говоря о таком явлении, как примитивизация понятий, когда сужается диапазон стилевых регистров, примитивизация понятий, а массово-информационный дискурс смыкается с другими видами дискурса и превращается в форум для всего населения.

Таким образом, эмоционально-когнитивный диссонанс в конфликтном диалоге может быть рассмотрен на различных уровнях языка. Наиболее ярко конфликтный диалог представлен в средствах массовой информации, которые во многом формируют коммуникативную среду современного человека. Тематика и стилистика газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов часто деструктивным образом влияет на коммуникативное пространство и делает его враждебным. Коммуникативная среда адресата в огромной степени формируется интервью на политические темы, в которых журналисты (часто аккредитованные зарубежными СМИ) беседуют с российскими представителями эшелона власти о последних мировых событиях, военных и экономических конфликтах, положении той или иной страны на международной арене. С лингвистической точки зрения подобные диалоги представляют интересный объект для анализа как общение представителей двух разных культур, как взаимодействие в аспекте лингвокультурной и межкультурной коммуникации. По нашему мнению, особенности общения в рамках той или иной лингвокультуры, описание принципов функционирования членов той или иной национальной общности на межкультурном уровне могут дать богатый материал при исследовании коммуникативного конфликта и толерантности (вежливости). При обосновании связи межкультурного коммуникативного поведения и коммуникативного конфликта (или толерантности) мы исходим из положения о том, что деструктивные и конструктивные формы общения имеют как языковые, так и экстралингвистические показатели. Другими словами, существуют собственно языковые условия порождения как коммуникативного конфликта, так и толерантного (вежливого) поведения. С другой стороны, специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи и на существование форм толерантного коммуникативного поведения.

Так, например, в интервью председателя правительства России Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» ярко прослеживается разница в восприятии ситуации в Грузии в общественном мнении на Западе и в России. Немецкий журналист в попытке выяснить истинное положение дел и причины создавшейся ситуации на Кавказе ссылается на мнение критиков России, которые *«говорят, что целью России собственно была не защита мирного населения Цхинвали, а попытка лишь сместить президента Саакашвили, привести к дальнейшей дестабилизации Грузии, и тем самым воспрепятствовать ее вступлению в НАТО. Это так?»*. Примечательна реакция В. Путина: *«Это не так. Это просто подтасовка фактов. Это ложь»*. Таким образом, интервьюируемый выражает свое несогласие с высказанным журна-

листом мнением, делает это в весьма лаконичной и одновременно эмоциональной форме, употребляет лексемы с осуждающей и пейоративной оценкой.

Несомненно, что диалог подобного рода, построенный по принципам конфликтной коммуникации (одной или двумя сторонами в интервью, намеренно или случайно), бесспорно достигает своей цели: делает позицию предпочитающего эмоционально окрашенные высказывания говорящего более четкой, эффективно воздействует на целевую аудиторию, воспринимается читающими или слушающими людьми как агрессивный и демонстрирующий противоборство двух сторон. По нашему мнению, для правильного понимания природы и структуры речевой агрессии, коммуникативного конфликта и конфликтного диалога как разновидности последнего необходимо тщательно изучить лингвистические механизмы, лежащие в основе вышеперечисленных феноменов. В свою очередь, подобные агрессивные формы коммуникации обладают собственными когнитивными структурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов С. Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 210 с.
2. Василик М. А. Политология. М.: Гардарики, 2006. 588 с.
3. Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 37 с.
4. Грошев И.В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2005. 462 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
6. Карасик В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография. Нижний Тагил, НТГСПА, 2010. С. 164-183.
7. Комалова Л. Р. Рефлексивная коммуникация как идеальное завершение конфликта // Сб. материалов VII Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление». М.: Когито-Центр, 2009. С. 105-108.
8. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2012. 341 с.
9. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89-105.

Е. В. ЛАКОМКИНА

ПРОЯВЛЕНИЕ СВОЙСТВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ КАЗАХСТАНА

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается проблема функционирования русских этностереотипов в инокультурной среде, в частности, поликультурном социуме Казахстана. Анализ проводится на основе стереотипов, связанных с гостеприимством. Сравнение определенных моделей поведения, связан-